

Цена 15 коп.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

КРОКОДИЛ

К 556
8

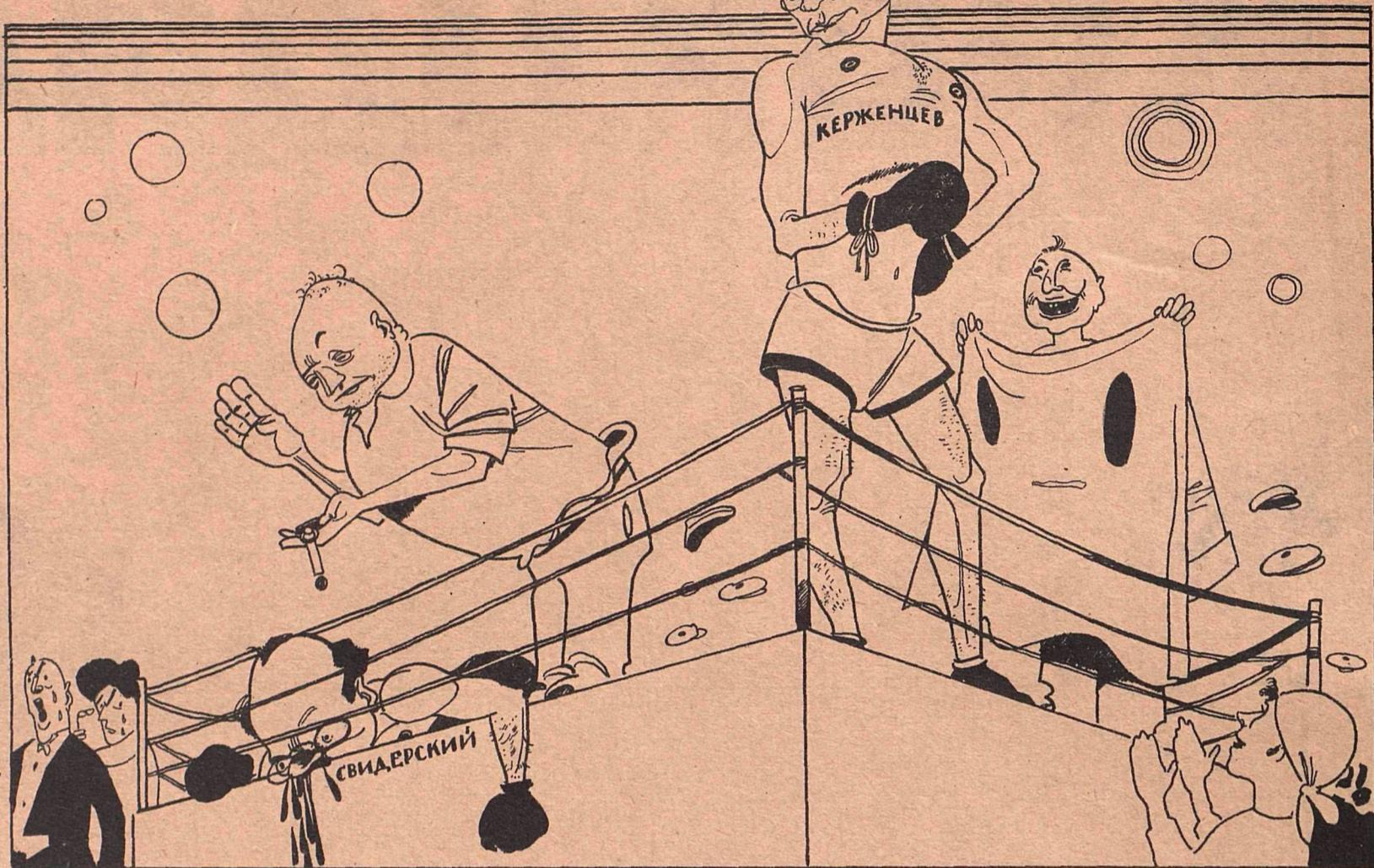
ВОСЬМОЙ ГОД
НОМЕР 20
МАЙ 1929
МОСКВА

Рис. В. Козлинского

В. Козлинский 1929

ВЫЧИЩЕННЫЙ: — Господи! Спаси партию!

„СЕЧА ПРИ КЕРЖЕНЦЕВЕ“ или матч на с'езде Всерабис.

СЛУШАЛИ — ПОСТАНОВИЛИ

— ...Об'ективные ли причины тут виноваты, независящие ли обстоятельства или еще что-нибудь, — трудно сказать. А только приходится констатировать факт: у нас на заводе из социалистического соревнования ровнехонько ничего не получается. Никаких результатов и ни малейшего сдвига! Печально, но так.

Администрация наша еще месяц тому назад постановила: вызвать завод «Красное Знамя» и начать соревнование. Месяц, я полагаю, срок не ничтожный, показательный срок, но что же мы видим по прошествии?... Да решительно ничего, никаких достижений не видим, смею вас в том уверить! Врать, замазывать, прикрашивать и очки втирать я не желаю, — предпочтительней, по-моему, глядеть грустной правде прямо в глаза. А правда всегда у меня перед глазами, потому что я, как зам заведующего конторой, состою в курсе всех данных и цифр.

И что же, например, говорят эти цифры и данные? Да то самое, что и я вам сейчас говорю: никаких результатов!...

Возьмем, например, прогулы. Сколько их было в прошлом, несоревновательном месяце, столько и в этом, — и даже на два дня больше, по случаю хорошей погоды.

Процент брака возьмем. Какой в прошлом месяце был, такой самый и сейчас, при соревновании, — ни на одну десятую даже не изменился!

Количество выработки?... Ни на вот эстолечко даже не увеличилось: какое без соревнования полагалось, такое точно осталось и при нем.

И так все. Вот вам и соревнование!.. Вот вам и потрясающие достижения! Глаза б мои не глядели на такие сногшибательные успехи!..

Но мне-то, конечно, еще с полгоря, мое дело тут — сторона... А вот директора нашего, прямо скажу, жалко: очень расстраивается. Даже с лица похудел за последнюю неделю. И все думает, думает...

— Ничего, — говорит, — не придумаю!.. Одно только разве: с рабочими побеседовать на эту тему?..

Но это, по-моему, уж совсем бесполезно. О чем с ними беседовать-то? О соревновании?.. Так что ж, спрашивается, они могут сказать?

Если б им было известно, что наш завод соревнуется, — ну, тогда так. А то, ведь, они даже не знают об этом... Администрация постановила, — а рабочим никто ничего и не говорил. Какой же толк сейчас-то с ними беседовать? Только глазами будут хлопать!..

Нет. Это не способ. А какой способ найти — не могу и придумать. Точно так же, как затрудняюсь сказать и о причинах неудачи нашего соревнования. То ли независящие обстоятельства тут виноваты, то ли объективные препятствия, то ли еще что-нибудь, — чорт его знает!..

Грамен.

**ПРАВЫЕ МЫСЛИ
САВЕЛИЯ ОКТЯБРЕВА**

Кулаки не вырастают в социализм? Пусть социализм вырастает в кулаков!

Библейский Исав продешевил, продав первородство за чечевичную похлебку. В наше время кто из правых согласится отдать пятилетку менее чем за пуд кулацкого хлеба?..

В нынешнем темпе индустриализации совершенно не предусмотрено, что каждый сегодняшний день надлежит затрачивать не на работу, а на подготовительный к ней ответ: — Зайдите завтра!

Против пятилетнего плана строительства не только не возражаю, но даже согласен расширить его вдвое: до десяти лет!

О ПРЕОБРАЗОВАНИИ ПРИРОДЫ

Поэтический проект САВЕЛИЯ ОКТЯБРЕВА

Природу зрил в окно:
Луг. Лес. Сирень. Акация.
Решил: нужна давно
Ей реорганизация!
В природе нет вреда,
И есть, пожалуй, ценности,
Но сколь она чужда
Поэту современности!..
Стоят береза, ель,
Растут грибы, растения...
Но смысл-то где?... Где цель?...
С чьего соизволения?...
Мудрее б в наши дни
Дубы спилить заранее:
Они, присев на пни,
Устроят заседание...
У липы каждый лист
Я сделал бы анкетой,
А соловьиный свист
Сменить звонком советую.
Взамен лисиц, волков
И всех млекопитающих —
Взрастить бы кулаков,
В социализм вступающих...
Строителей-бобров
Зажарил бы к обеду я,
Савелий Октябрьев,
Природою заведуя...
Дабы ж уменьшить вред
От публики, — у входа я
«Закрота на обед»
Повешу над природою.

Но нет, не нужно грез!
Раскаюсь, в них упорствуя!..
От сосен и берез
Не чаю бузотерства я.
Но будут ли молчать,
По совети скажите-ка,
Рабкоры и печать,
Печать и самокритика?...
Подымут шум и визг:
«Рутиня! Бюрократия!..»
На этакий на риск
Пойду с какой же стати я?
Нет, вижу я теперь,
Задача не увязана:
Гони природу в дверь, —

Войдет тогда в стен-газ она!
Природу ж гнать в окно —
Бесцельное занятие...
Кладу я под сукно
Свое мероприятие.

Беспартийный
Савелий Октябрьев.

МЫСЛИ ВСЛУХ

Мало иметь Госплан. Нужно еще организовать и госвыполнение.

Есть товарищи, которые борются с антисемитизмом только в присутственные дни с 10 до 4 ч.

Партийца, перегруженного запасами сахара и муки, трудно считать партперегруженным. Но разгрузить его все же следует: от партбилета, конечно.

Шефы гораздо чаще убивают шефскую работу, чем уток.

Всякий профсоюзник знает, как вызвать на социалистическое соревнование. Зато далеко не всякий скажет, что делать дальше.

Наши писатели пишут все меньше романов и все больше писем в редакцию.

Нет худа без добра. Если бы наши радиоаппараты исправно работали, то радиослушатели окончательно впали бы в уныние.

Ипа.

МУЗЕЙ - ВЫСТАВКА ПАРТФИГУР ЗАЛ ТРИНАДЦАТЫЙ

ФИГУРА № 73. Киселев А. С., управделами Ташкентского (Ново-Городского) исполкома.

Киселев, как и многие другие управделами, обожал природу.

— Птички там, знаете ли, щебечут в лесу, букашки ползают, бабочки порхают по цветочкам, — говорил он, сладостно живописуя природу, — а здесь суета, пыль, циркуляры. Сездить, что ли, за город. Скажи, чтобы дали машину.

Однажды эта тяга к природе проявилась у Киселева столь бурно, что он покинул общее собрание ячейки и уехал на загородный пикник. На пикнике порхали бабочки, из числа подчиненных Киселеву по службе. Было очень оживленно. Веселились кто как мог. Одну гражданку даже застрелили.

Контрольная комиссия справедливо рассудила, что всякая, даже самая маленькая политическая работа может помешать Киселеву проводить время за городом, и раз навсегда освободила его от партбилета, выставив в Крокодильском музее для наглядания.

Фигура № 74. Шонин П. А., ответств. секретарь Митинского волкома, Костромской губернии.
Питал симпатию к мироедам.

Считая, однако, себя обязанным вести борьбу с кулаками, применил совершенно новый способ уничтожения классового врага.

— Я разорю их в банчок, — сказал он и тотчас же повел картежную игру.

Долго Шонин ходил козырем и бил местных тузов, но в конце концов простая контрольная тройка прикрыла и самого Шонина.

Фигура № 75. Полетаев Г. М., помгубпрокурора в Калуге.

Полетаев, будучи возвышен до прокурорской высокой должности, отчетливо увидел суету и несовершенство человеческого житьяшка. Увидел и вознегодовал.

— О, люди! Порождение крокодилов. Ваши слезы—вода. Ваши сердца... и так далее, — крыл человечество Полетаев, бия себя в грудь.

При этом, разумеется, пил.

Все бы это ничего. Курица и та пьет, а помгубпрокурора тем более. Но Полетаев, выпивши, впадал каждый раз в поиски правды, учиняя разгром в публичных местах. Поиски неизбежно заканчивались ночевкой в милиции.

Подобного рода времяпровождение совершенно вытеснило у Полетаева интерес к политическим вопросам, и

местная организация справедливо рассудила, что Полетаев может служить украшением только в крокодильском музее.

Фигура № 76. Васильев В. И., председатель правления Сумского окружного жнлсоюза.

Занимая высокий председательский пост, Васильев вообразил себя выше партийного комитета.

Он, без разрешения комитета, стал собирать подписку среди членов партии для взятия на поруки осужденного судом коммуниста.

Считая себя выше комитета, Васильев, между прочим, и партмаксимум возвысил себе до 378 рублей.

Благодаря таким разногласиям во взглядах комитет направил Васильева к выставке.

Фигура № 77. Пушкарев А. Е., председатель сельского комитета взаимопомощи, Бийского округа.

Пушкарев, попав в председатели, махнул рукой на ячейку.

— Хватит. На кой пес она мне теперь.

Связь с ячейкой была им утрачена. Ячейка дивилась:

— Чивой-то Пушкарев нами гребует. Не собирается ли он лететь на воздушном шаре в центр.

На все приглашения заглянуть Пушкарев отвечал сердито:

— Не до собраний мне. Нужно дело делать, а не разговаривать.

Пушкарев, действительно, был занят делом — подделывал оправдательные документы.

В результате — Пушкарев вылетел в центр — на выставку.

Фигура № 78. Карташев А. И., секретарь Ярцевского укома и член бюро Смоленского губкома.

Враг мешанства и борец за красивую жизнь.

— В мире должна царствовать только красота, — проповедывал он, развешивая дома по стенам репродукции с картин Беклина из бывших приложений к журналу «Пробуждение».

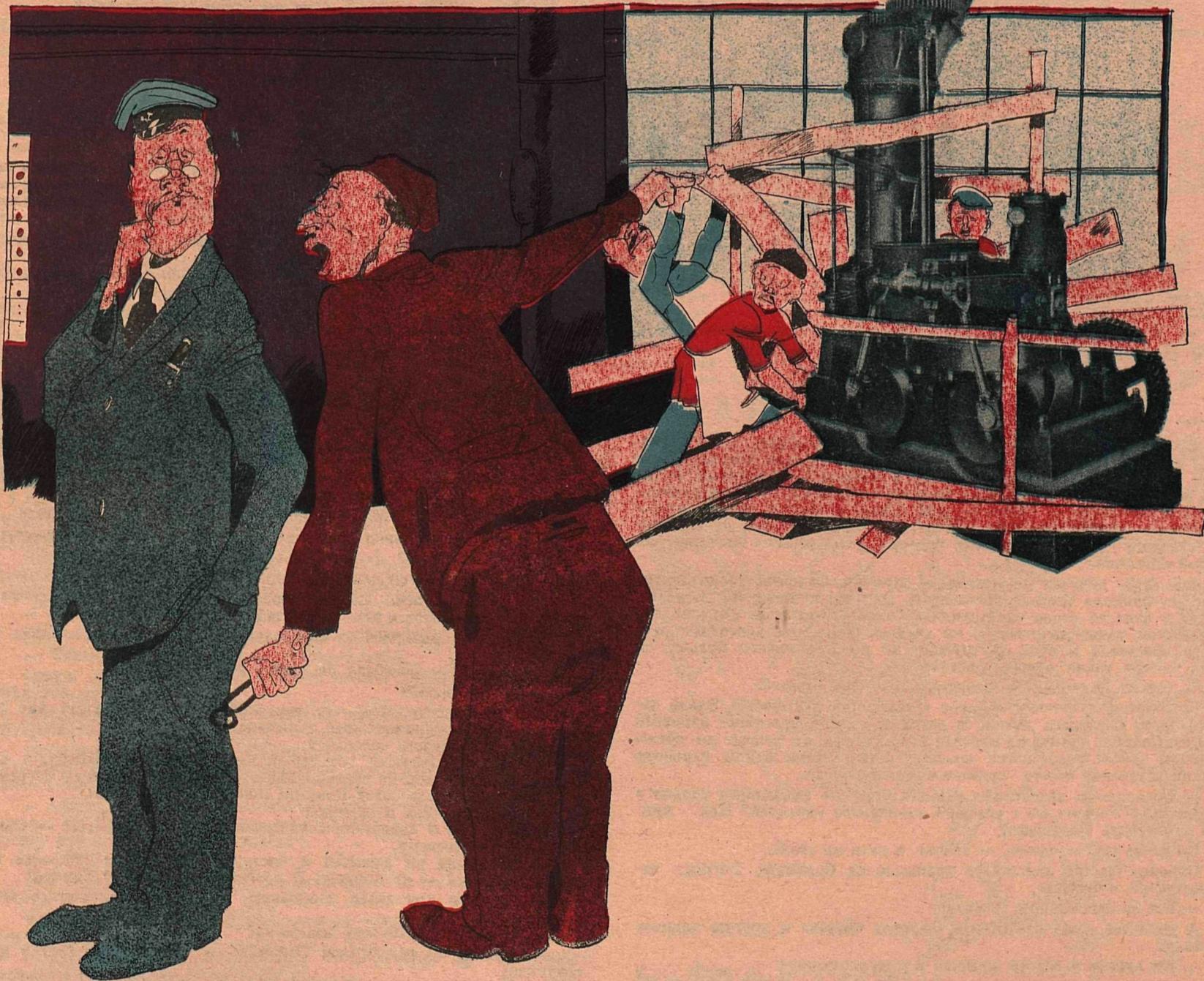
— Женщина должна создавать мужчине «моральный уют», — разглагольствовал Карташев, меняя одну жену за другой.

— В работе тоже я признаю только одну красоту, и поэтому все минуты нужно оставлять в стороне.

Минусы он, действительно, оставлял в стороне, замазывал недостатки, занимал самокритику и тем самым быстро довел организацию до разложения.

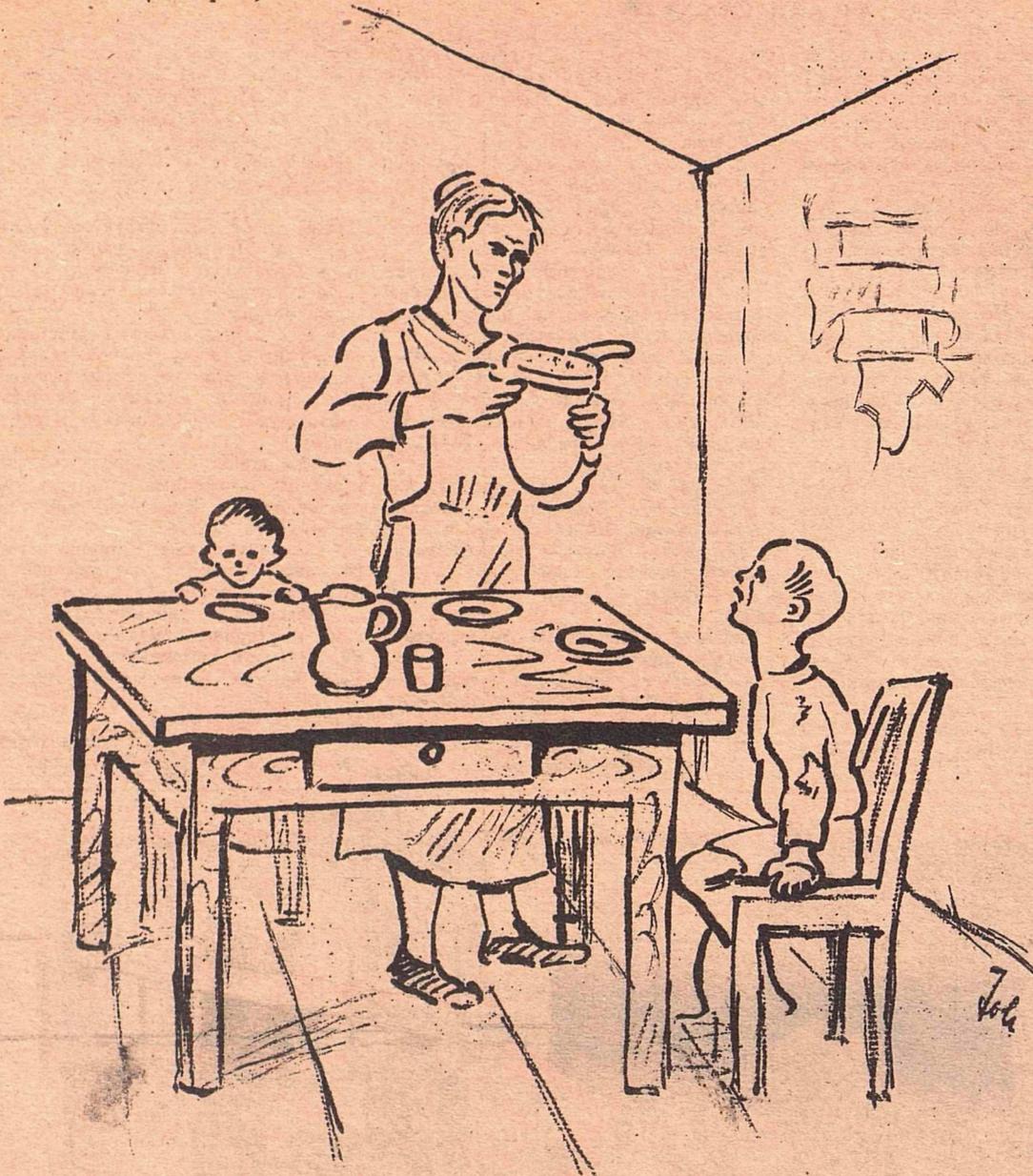
На выставке читает журнал «Наши достижения», а от листка РКИ и «Крокодила» падает в обморок.

Рис. Ю. Ганфа

О РАЦИОНАЛИЗАЦИИ, ИМПОРТЕ И ПРОЧЕМ...

- Иван Степанович, машина-то, оказывается, кирпичная?
- Кирпичная.
- А фабрика наша — текстильная!!
- Ну, это уже мелочь.

ПОСЛЕ БЕРЛИНСКИХ РАССТРЕЛОВ

— Мама, отцу ведь хлеб больше не понадобится... Отдадим его долю дяде Цергибелю.

НЕ ПРЕДУСМОТРЕННОЕ

ДЕЖУРНЫЙ по станции «Юрга», Томской железной дороги, уважаемый гражданин Соломин поджидал прохода пассажирского поезда № 3, от привычной скуки почитывая старинный календарь издания Сытина за 1905 год. Видимо, читался этот календарь весьма часто, ибо иной раз Соломин, имея нужду в перстах, коими держал календарь в руках, клал книгу оберткой кверху на стол, не переставая шевелить губами и про себя повторять содержание временно незримой страницы.

Календарь дочитан до последней строчки. Соломин посмотрел на часы: до прихода третьего оставалось еще около получаса. Соломин зевнул и взял со стола «инструкцию Томской железной дороги» для машинистов, также зачитанную им до дыр, ибо кроме календаря года своего рождения и этой инструкции он вообще ничего больше не читал ни при каких обстоятельствах.

— Третий подходит! — известил Соломина сторож.

Соломин взял путевку, флажок и вышел на платформу. Вдали из-за поворота показался дымок, а затем и гордое туловище паровоза № 6708. Соломин глянул на паровоз и вздрогнул от ужаса: по обеим сторонам трубы развевались красные флаги, а на самом паровозе белыми буквами что-то кричала красная полоса.

— Не иначе — катастрофа какая-нибудь! — захолонуло сердце у Соломина. — Почему же с соседней станции не предупредили? Или в пути уже что-нибудь подеялось?

Но поезд шел во-время, — значит, в пути не стоял.

Паровоз быстро надвигался надписью на Соломина. Соломин недоумевающе прочитал:

— Все на перевыборы советов!

А пролетев мимо платформы, паровоз показал и другую надпись на боку:

— Не пустим в советы кулаков и подкулачников!

Соломин протер глаза, — ему казалось, что он заснул в дежурной и ему все это мерещится. Побежал к паровозу, — надписи оказались явью. Обошел паровоз с другой стороны, — там тоже надпись:

— Беднота, голосуй дружнее!

Старый знакомый Соломина обер-кондуктор подбежал к нему:

— Отправляй, что ли?! Все готово...

ПЕСТРОЙ толпой гомонят у входа
Танцоры, певцы, разговорники.
Костюмы — кричат. Дешовка и мода,
Мало простых и черненьких,
Пары, дуэты, тройки, семейства
Разного ранга и пошиба
Нынче впервые собрались вместе
Экзамен держать непрошенный.
Стоят, — пробором сверкая гордо,
Басмой осветлив кудри, —
Но от волнения — сохнет горло,
И щеки — белее пудры.
Еще недавно они с эстрады
Пели о чистке близкой.
А вот теперь — рады не рады —
Сами знакомятся с чисткой.
Гонору — тонны у любого,
Но смело готов ручаться я, —
Не каждый правильно скажет слово:
Переквалификация.
Певца в шелках бросает кому-то,
Бровь надломив трагически:
— Я отделаюсь в две минуты,
Мой номер — идеологический.
Я исполняю песню рабкорки...
Там — о машинах... и прочес...
Вы знаете, — раз меня на «Трехгорке»
Несли на руках рабочие!
— Мне самому на каком-то заводе, —
«Красный»... а дальше не помню, —
Давали диплом или что-то вроде,
Но я отказался скромно.
Взгляды голодные — среди шелка
И среди проборов прилизанных
Колют завистью, как иглкой,
Лица известных и признанных.
— Что в ней такого? И голос скверный,
И рожа еще к тому же!
— Э... Вы с луны свалились, наверно!
Вы знаете, — кто ей мужем?
Лицам, фигурам, репертуарам.
Всей театральной политике, —
Всем достается — новым и старым!
Зверская самокритика!
И лишь один сознается: — Братцы!
Ведь не эстрадник — а горе я!
Мне бы хоть как бы нибудь остаться,
Хоть первую категорию!
Братья-эстрадники! Вечные странники!
Близится летняя страда.
Чиститься надо вам, братья-эстрадники!
Надо!

О-ох, как надо!

Вас. Лебедев-Кумач.

— То-есть, как так — отправляй? — пришел в себя Соломин. — А это что такое?!

Кондуктор изумленно посмотрел на лозунги, потом на Соломина:

— Как — что? Лозгуны. По перевыборам.

— Каки-таки лозгуны? Кто позволил?! Давай сюда механика!

Механик неторопливо вылез, обтер руки, подошел к Соломину:

— Что случилось?

— У тебя надо спрашивать! Это что такое?

— Это? Лозгунги. Советы перевыбираем и, как сказано, весь огонь по кулаку. Вот и все. Отправляй!

И механик двинулся к паровозу, но Соломин его поймал за рукав:

— Снять!!! — завизжал он дикий поросенком.

— Как — снять?!

— Очень просто. Все — к чертовой матери! Не пушу! Акт составляю. Прекращу дальнейшее движение паровоза!

— Да ты сдурел, человек?

— Я-то не сдурел, а вот ты — тронулся! Старый механик, а инструкции до сих пор не знаешь! Где это инструкцией предусмотрено, чтоб надписи на паровозе? Покажи! Покажи в инструкции!

Механик почесал в затылке:

— А советы и перевыборы инструкцией предусмотрены? — спросил он, прищуриваясь.

— Это меня не касается и инструкции тоже. На паровозе во время движения — не допущу! И лозгунов не допущу! Снимай!

Из вагонов повывезли пассажиры, собрались станционные служащие.

— Чего стоим? Почему задержка?

— Снимай! — надрывался Соломин: — не пропущу против инструкции!

Проклятая Соломина, бюрократизм и еще что-то, механик стал снимать лозунги. Через минуту паровоз был приведен в вид, согласный с инструкцией.

— Вот теперь — да! Крути, Гаврила! — радостно вздохнул Соломин. — Раз по инструкции, — двигай! С богом!

В. Павлов.

НИГДЕ КРОМЕ...

ЧЕЛОВЕК в сером макинтоше бросил на стол порывевший зонт и завопил на весь дом:

— Безобразия! Волокита-матушка! РКИ, где ты? Целую неделю хожу за справкой, а вам хоть бы хны!

Люди смотрели на него снисходительно, улыбаясь и выражая тайное соболезнование. Машинистка тревожно пролетела:

— Господи! Он и не знает! Сама же писала протокол, что у нас волокита и бюрократизм изжиты, а он... Несчастный!.. Петюсик! Растолкуйте хоть вы ему! — обратилась она к дежурному.

Петюсик сделал возможно более начальственный вид и указал на стенку.

— А это видал? Наше достижение к первому мая!

Гражданин смутился. Со стенки отчетливыми буквами прыгала «выписка из протокола экономкомиссии при месткоме № 479, 43 отделения милиции г. Москвы».

СЛУШАЛИ:	ПОСТАНОВИЛИ:
Вопрос о борьбе с бюрократизмом и волокитой:	Это предложение выполнено и бюрократизм и волокита изжиты.

— А теперь заткнись! — солидно сказал Петюсик. — И вкаты нечего!

— Но мне-то от этого не легче! — простонал гражданин в макинтоше. — Кожа, за которую вы меня оштрафовали, была не моя! Зачем же волокиту разводите?

— Я ничего не знаю! — отрезал Петюсик. — Достижение есть. А остальное нас не касается. И правилами внутреннего распорядка не предусматрено.

П. В.

ПОДРАЖАТЕЛЬ ЗВУКОВ

ПОСЛЕ перевыборов завкома рабочих завода «Идеал» (Москва, Божедомка), как водится, угостили «художественной частью».

На эстраду вышел развязный молодой человек, нахально осмотрел аудиторию и произнес декларацию:

— Гы, товарищи, имею честь отрекомендоваться: пролетарский артист красной эстрады. Я, товарищи, между прочим, сам раньше был рабочим кочегаром на паровозе, однако постепенно превзошел всякую культурную художественность, вроде как Федор Шалапин или там Батурин, и теперь имею высшую квалификацию — подражаю на разные голоса, как, например, петух, лягушка, жеребец, свинья и прочее такое в высшей степени.

Однако, — продолжал артист, — теперь, при советской власти, приходится это дело бросать, потому что скоро, пожалуй, без рубашки останусь.

Закончив автобиографическую декларацию, «артист» деловито оттопал задними конечностями приход и отход поезда и затем приступил к боевому номеру программы под названием:

— Раннее утро в деревне.

«Артист» потянулся, зевнул, высморкался и заявил:

— Кулак встает в деревне на трудовой день.

Потом взял в руки пилу и начал пилить бревно, одновременно подражая звуку пилы.

После аттракциона с пилкой «артист» изобразил хлопанье крыльев, появление петуха и, как финал, прокукарекал несколько раз.

Обратившись к зрителям, на которых номер с петухом не произвел должного потрясающего впечатления, звукоподражатель ехидно улыбнулся и раз'яснил:

— Может быть, вам плохо слышна была пила и кукареку, так это потому, что кулак плохо пилит, — он голодный, а петух тоже голодный, потому что кулаку его нечем кормить.

На «бис» «артист» добавил:

— Меня, знаете ли, рабочие не любят, потому вы мне не хлопайте, я все равно не выйду.

К этой законченной «художественной идеологии» добавлять, пожалуй, нечего.

Можно только порекомендовать Посредрабису срочно созвать комиссию и проверить своих артистов:

— На какие они голоса поют и кому «звукоподражают».

Бен.

МОСКВА — ЛЕНИНГРАД
ЧЕРЕЗ БУЭНОС-АЙРЕС

(Пара слов о здравом смысле)

МОРЕ. Горы. Солнце. Пляж. Это — Крым. Паи. Заборные книжки. Грубые продавцы. Это — симферопольский ЦРК.

Кожи. Обувь. Пиковые артели. Это — Крымкустпромсоюз.

ЦРК обретается на улице Ленина. Кустпромсоюз — на улице Карла Маркса.

У ЦРК есть пайщики, которые не прочь раз в год купить пару ботинок.

У Кустпромсоюза есть кустари, которые обувь вырабатывают.

Несмотря на снижение адмрасходов, и тот и другой имеют телефоны. А кроме телефонов — по пролетке с лошадрю.

А от улицы Ленина до улицы Маркса — ровно два квартала. Но...

Но для того, чтобы пайщик симферопольского ЦРК купил пару ботинок выработки «иностранных» кустарей (из того же Симферополя) — необходимо, чтобы:

1. ЦРК вежливо попросил Центросоюз (Москва).

2. Центросоюз абсолютно, без всякой волокиты, передал заявку во Всесоюзпромсоюз (тоже Москва. Чем он хуже Центросоюзу?).

3. Всесоюзпромсоюз любезно передал заявку Крымкустпромсоюзу для исполнения (Симферополь).

4. Кустпромкредит звякнул по телефону в ЦРК.

Все это удовольствие обходится всего 2,6%, из которых 2% с'едает, за любезность, Всесоюзпромсоюз, а 0,6% — из солидарности — Центросоюз.

А вы говорите — бюрократизм, волокита...

Анастас Крынка.

СУДЬИ ПРАВЫЕ

Комичные люди живут в области Коми. Особенно в судебных инстанциях. Областной суд два года тянул дело с иском батрачки Соболевой к хозяину-кулаку. Наконец, вызвал ее повесткой в суд на 4 января. Сама же повестка вышла из судейской канцелярии 16 января. За неявкой батрачки кулак был оправдан.

Вот уж, поистине, суд скорый, правый и милостивый... для кулака.

ОПРАВДАНИЕ

Уволили Марию Ивановну Захарчук — учительницу Дедовичской школы, Ярусского района. Может быть, и зря уволили. Но замечательно заявление, написанное ею в РКИ:

Добавляю, что я была уволена по той причине, что я как будто бы применяла в педагогической практике физических способов воздействия.

«Крокодил» требует определить Марию Ивановну в школу! Дать ей возможность продолжать ликвидацию безграмотности. Своей, конечно!

СТРАШНЫЙ ЗАПРЕТ

— Что общего между радиоантенной и кошкой?

Странный вопрос. Но трест «НИГРЭС», оказывается, нашел между ними сходство. В правилах для проживающих в новых домах Балахнинского строительства он приказывает:

Воспрещается устанавливать на крыше радиоприборы, антенны и допускать бродить без призора кошек.

Как видите, радиоconcertы приравнены к кошачьим concertам. Сравнение не в пользу кошек!

КУСТАРЬ-ОДИНОЧКА

Везет же людям! Под гостеприимной крышей Березовского рика Уралобласти собрались: секретарь — сын попа, бухгалтер — сын попа и секретарь земчасти — монах.

По соседству в Касибской с.х. кооперации — не менее теплая компания. В числе агентов по заготовке пушнины — один бывший белобандит, один бывший жандарм, один быв. стражник и один крестьянин-бедняк. На вопрос о наличии чуждого элемента председатель правления отвечает:

— Да вот один только затесался! Остальные — все свои!

НОВОЕ В ЗАРПЛАТЕ

Зря утверждает пословица, что «спасибо сыт не будешь». Ничего подобного. Спасибо оказывается прекрасным питательным средством у заведующего отделением Арменторга в Н.-Уральске, КССР. На заявлении рабочего тов. Свешникова об оплате его труда заведующий наложил великодушную резолюцию:

«За всю работу благодарим». Милостиво... и дешево!

ДО ЧЕГО Ж ЭТО ДОЙДЕТ?

Грандиозные проблемы разрешает производственная комиссия ткацкой фабрики тверской «Пролетарки».

— Почему бы вам не заняться сокращением брака? — спрашивают некоторые делегаты.

— Позвольте! А Чемберленом кто же займется? А пакт Келлога кто разоблачит? А Лигу Наций кто примет к сведению? Вы, что ли?

Возразить нечего. В протоколах комиссии то и дело мелькают ноты протеста, телеграммы сочувствия и резолюции: «международное положение принять к сведению».

О своих фабричных недостатках сказано коротко и вразумительно:

Проверить и добиваться немедленного проведения в жизнь выявленных недочетов.

Ишь, как загорелось. Немедленно провести в жизнь недочеты.

Удастся ли, однако, провести за нос рабочих такими постановлениями?

КТО ЧЕМ ИНТЕРЕСУЕТСЯ...

- Читал инструкцию о чистке партии?
- Некоторые пункты... о порядке обжалования.

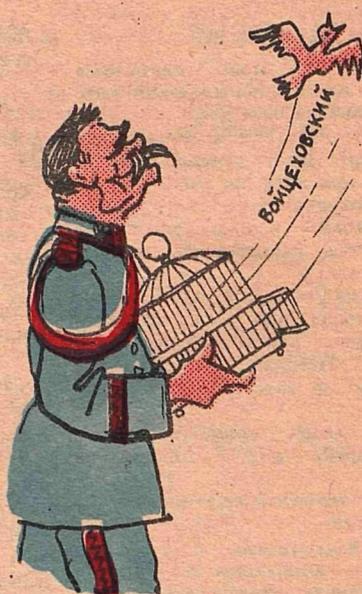
Муссолини—с римским папой, Умилительный момент! Платит папе грязной лапой Двухмиллионный алимент.

Англичанин ручки трудит (Дня не может без груди): Потихоньку рыбку удит Там, где мутная вода.

У французов—дело хуже, И упрямы ж — божье мой! Шубу все одну и ту же Носят летом и зимой.

— Ты лети, лети, соколик, На свободу из оков, Благовещенье такое Пусть позлит большевиков!

Жарко. Пыльно. От Все проветривать п И рабкрин занялся Учрежденского доб

НА СЧЕТ КУЛЬТУРЫ

ДЕЛО БЫЛО В НЕТУПИХЕ

НЕТ у нас, к сожалению, под рукой соответствующих анкет и потому неизвестно, чем занимался товарищ Колотушкин до Февральской революции и что делал после Октябрьской.

Насчет Колотушкина известно одно: не так давно товарищ этот выступал перед общим собранием крестьян деревни Нетупики. Как водится в таких случаях, держал этот Колотушкин речь. Насчет печати, конечно, распинался всячески.

— Печать, — говорит, — товарищи крестьяне, это вам не пареная репа какая-нибудь. Печать — это сила. Вообще очень много смысла в этой самой печати, не даром испокон веков даже самые официальные бумаги, акты, удостоверения и справки всякие так и заканчиваются:

...с подлинным верно, что подписью и приложением печати удостоверяется.

Товарищи крестьяне, вы подумайте и удостоверьтесь, сколь велика сила печати. Скажем, выдали вам из сельсовета справку за подписью председателя и даже секретаря, а печать-то и забыли прихлопнуть. Рази ж у вас какая собака эту справку признает. Безусловно даже, нет. Подписаться это каждый сумеет, а вот печать-матушка, она не в каждом кармане водится.

То же самое, дорогие крестьяне, в отношении политики.

Предположим, заключаем мы какой-нибудь договор с буржуйскими правительствами. Ну, сговорились, значит, все пунктики проработали, согласовали, увязали, начисто переписали... По-хорошему, следует быть. Буржуйские представители под договором, как водится, ручки прикладывают — расписываются. А после подписи каждый свою печать проставляет. Потому без печати будет это не договор, а так просто — в роде как бы пустая бумажка.

Таковая значительная роль печати, товарищи крестьяне, побуждает в делах популяризации ее устраивать

ежегодно день печати, почему и предлагаю вам сделать соответствующие выводы.

— Сочиняете вы это все! — скажет читатель. — Не мог этот Колотушкин такую чепуху городить. Да и Колотушкина вы, наверное, выдумали, и Нетупики никакой не существует.

— Прошу слова.

Утверждаю, что Колотушкин существует точно так же, как и деревня Нетупики, находящаяся в Ульяновской губернии, Сызранского уезда. Далее, разрешите огласить резолюцию, принятую по докладу Колотушкина о дне печати:

Заслушав доклад тов. Колотушкина о дне печати, общее собрание деревни Нетупики, придавая большое значение советской печати, постановляет: выпустить коллективно круглую печать и штампы для деревни.

— Каюсь, читатель, речь Колотушкина выдумана, но, посудите сами, о чем болтал этот товарищ, если результатом доклада явилась эта резолюция.

М. Поляновский.

БОЕВОЙ КУЛЬТУРНИК

ДЯДЕ Ефиму положительно не везло.

Был дядя Ефим восемь месяцев председателем Якимовского клуба на Урале и твердо верил в правоту своего дела.

И вдруг во все четыреста членов его клуба вселился бес. Четыреста членов клуба собрались однажды на совещание о культработе и порешили сообща, что если на свете есть еще безнадежно горькие пьяницы и склочники, то безусловно чемпион среди них — дядя Ефим.

Это был безумный шаг.

И не успело совещание как следует развернуть свои страсти, как дядя Ефим уже прискакал, защищать свою честь. И не успела секундная стрелка сделать хотя бы

один оборот, как дядя Ефим уже появился в зале совещания... О, что это было за появление!.. Смерч!.. Ураган!.. Вихрь, отбрасывающий назад все ему сопротивляющееся!.. Дядя Ефим пронесся бомбой через весь зал, и когда бомба опустилась на трибуну, то раздался потрясающий взрыв:

— Эй, вы, стадо! — заорал багровый дядя Ефим, — вы собрались сюда, чтобы обдать помоями наше дорогое правление! Но какое же вы имеете право, туды вашу растуды? Ведь я ж вам за это рыла посворачиваю! В моем клубе — да на меня же клепать? Балбесы вы! Чучела! Шаромыжники! Огородные пни!

И красиво скрестив лапы на груди, замер в ожидании. Зал разразился внезапно таким дьявольским грохотом, точно всем совещающимся сразу наступили на ноги. Негодующие крики слились в один гром. Но чудачком будет читатель, если он подумает, что дядя Ефим испугался этого грома.

Плевать дяде Ефиму на гром!

Дядя Ефим решил, что наступил момент действовать. В два прыжка он очутился возле штепселя, погасил в зале свет и вызвал сторожей. И появились они в зале, эти мрачные бородачи, и заработали они метлами по шеем активистов, и стали активисты в панике покидать зал, и были двери напором толпы вынесены в коридор.

И стаду стало в Якимовском клубе тихо и уютно.

Можно ли описать торжество скромного культработника после этой славной победы? Давно ему не приходилось стяжать сразу столько лавров. Шутка ли, накласть в шею целому совещанию!

Очевидно, в дяде Ефиме пробудились какие-то дремавшие до сих пор боевые способности... Великий воин культурной революции из него выйдет!

М. Касви.

„КРОК“ У СТАНКА

СКАЖИ мне, гость заморский, дальний, Где ты родился, где возрос, С каких марленов, наковальней И кто тебя сюда завез?!

Теперь уж зря грустить, томиться, О дальней родине скорбя. Не даром поезда с пшеницей Ушли на запад за тебя!

Ты видел негу, знаешь ласку, Мой милый, молчаливый друг,

В твоих подшиях А пот рабочих,

Гудку горла Я знаю, он о И я отлично Молчанье тям

Придет парень В затылке ладо Ему его соха А Дороже в сотню

Твоей он груд Он только к

Рис. А. Топикова

ВНИМАНИЕ ЗЕРНОВОЙ ПРОБЛЕМЕ

ЧЕЛОВЕК НА АВТОМОБИЛЕ: — Твоего бросаете на землю!

В ОДНОМ ИЗ БЛИЖАЙШИХ НОМЕРОВ „КРОКОДИЛА“ БУДУТ ОПУБЛИКОВАНЫ РЕЗУЛЬТАТЫ КОНКУРСА НА ЧИТАТЕЛЬСКИЙ РИСУНОК.

пуск близко.
ора.
чистой
ра.

Кто там спит под дачной тенью,
Позабыв свою нагрузку,
Охвачен летней ленью?
Безусловно, профсоюз.

Кооператор не зевает,
Он — садовник на посту.
Знай, цветочки поливает,
А они себе растут.

Кто силен душой и телом,
Тот до цели доплывет.
Место преданным и смелым.
Приготовиться!.. Вперед!!

А работа Крокодила
Одинакова до слез:
Круглый год заветной вилой
Перетряхивать навоз.

никах — не смазка,
крепких рук.

Ему плевать на все на свете
И на заводский коллектив.

Станину, супорт и ключи,
От боли вместо песни звонкой
Ты диким зверем зарычишь.

ПО ГАЗЕТНО-ЖУРНАЛЬНЫМ УХАБАМ

НА ВОЛГЕ

ому внимаю,
чем поет,
монимую
ское твое!

Забыв себя в машинном гуде,
Разинувши спросонья рот,
То смазать шпindelю позабудет,
То в шестерни засадит болт.

И не пройдет, быть может, года,
Тебя с проклятьем и со злом
Красавца бывшего — уродом
Свезут безжалостно на слом.

ПРИЯТЕЛЬ мой, Сашка Бубенцов,
любит красивую жизнь. Он сходит с ума на фильмах с графами — в роде «Кенигсмарка» — и специально, чорт его разберет откуда, добывает доверенные книжонки, в которых описывается аристократическое житье. Папашка его — протоиерей — служит у *Никола-на-Монетчиках*.

бардами и двуединой, шелковисто расчесанной бородой... — Кто против?

из деревни,
ю скребя.
древна
раз тебя.

Мне жаль тебя — ты слышишь, слышишь?

Заплачут в осень тучи слезно,
Завоет ветер от нутра,
Да будут на костях железных
Вороны каркать по утрам.

Зашел я к Сашке в субботу. Он вяляется, читает. Не успели поздороваться, — он и говорит:

— Принимаются единогласно, — отвечает, посмеиваясь, молодой инженер, девичьи-румяный юноша, избалованно играющий темными бровями.

ти не заметит,
выпивке ретив...

Полет дождем со всех сторон
Вода с худой заводской крыши
На твой шлифованный патрон.
Покроет жравь корявой пленкой

Ал. Демин.

— Вот, слушай, как надо людям жить! Комса несчастная, учись!
И стал читать:

Виюшу предложение: мороженое, — добавляет красивая, итальянски-женственная двадцатитрехлетняя дама с крупными прозрачно-голубыми глазами, в малиново-светлой кофточке, открывающей бронзовые загорелые плечи.

Тихое летнее утро на воде, на озаренной паровой палубе, по-морскому заставленной камышевыми креслами...

Неторопливо проходит по коридору похожая на гречанку дама с рубчатым мохнатым полотенцем, небрежно переброшенным через плечо. Прелестная девочка в сиреневом трико бросает низко кружащимся чайкам крошки хлеба, радостно выговаривая:

— Хоп-на!

Провинциальный юноша-актер, безукоризненно завязавший мотыльковый муаровый галстук, пьет лимонно-багряный чай, лениво перелистывая переводный роман.

Перед отходом парохода шумно рассаживается по палубе «воскресная компания» — мужчины в пикейных кителях и легких альпаковых пиджаках и смеющиеся женщины в «таких коротких юбках, как будто их подрезали им в наказание за несерьезный образ жизни». Они едут до ближайшей сельской пристани, везут с собой удобные чемоданчики из крокодиловой кожи, наполненные вином и бутербродами, — едут на пикник, на прогулку... Они возвратятся обратно глубокой ночью, на дачном пароходе, набрав огромные охапки цветов и остро надыхавшись «сельским воздухом», особенно вкусным в соединении с колючим коньяком и полынно-горькой рябиновой настойкой.

Сашка покосился на меня, проглотил слюну и продолжал:

Они смотрят на отходящую пристань, шуточно размахивают кружевными платками и шелковыми зонтиками, а потом пройдут в рубку, внимательно и деловито «углубляясь» в чтение буфетного прейскуранта.

— Я голосую за уху, свиные отбивные и кашку-запеканку, — торжественно басит плотный мужчина с плюшевыми бакен-

Ее муж хмурится, натянuto улыбается и заглупенно вздыхает: ему уже давно не по себе в этом шумном, немного чопорном и, главное, денежном кругу. Он — маленький банковский чиновник, простой и скромный клерк, она — дочь «штатского генерала», когда-то с иконостасной пышностью убранного анненской лентой, звенящими медалями и крутыми золотыми галунами. Он, сын уседной просвирни, рос в подгородной слободе Загудаловке, гонял стремительных голубей, играл в лапту и «козны», а она, будучи подростком, щеголяла в чудесных шотландских костюмах и средневековом берете из бирюзового бархата, катала оливковые обручи по липовым аллеям родового сада, ездил на ушастом лиловом пони, небрежно отвалился в рессорно-кольбельной, нетревожащей коляске...

Тут мне надоело. Я встал и говорю:

— Знаешь что, поди ты к чертям со своей буржуазной белибердой. Межсин ты. На пятнадцать лет назад живешь. Где ты раздобыл эту дрянь, в каком архиве?

Гляжу, мой Сашка спускает ноги с кровати и начинает нагло хохотать.

— Ох, — говорит, — святоша, дурак набитый! Да это ведь в вашем, в коммунистическом журнале пишут. Это ж «Красная Нива», номер двадцатый, курортный. Очерк Н. Смирнова, называется «На Волге». На вот, смотри. На советской Волге, понял?

Я, конечно, смугился, молчу. А он кроет, как хочет.

— Да, брат. Не все вам орать про самокритику да про рабочий быт. Наш брат тоже крутится. Приходится писать и для нас. Спасибо — нашелся редактор покладистый, хоть и коммунист, — Ве Пе Полонский. Он, небось, тоже понимает про красивую жизнь. Эх, ты, коллективизация! Пучись вот у Смирнова и Полонского!

И он потряс журналом перед моим носом.

арищ! Опомнитесь! Зерно так дорого для нашего государства, — а вы

СТРАНИЧКА ЧИТАТЕЛЬСКОГО РИСУНКА

Рис. С. Мизгарева-Глобы (Ташкент)

— Подумаешь — „грабят, помоги“... А если мне за эту помощь голову проломают — кто потом будет порядок соблюдать?!

О ФРУКТАХ

Рис. Н. Головина (Вятка)

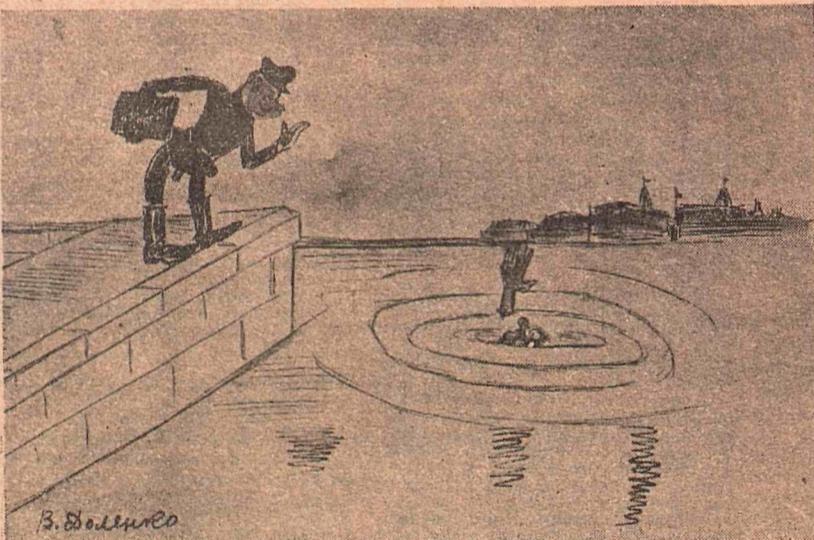

Фрукты нечищенные...

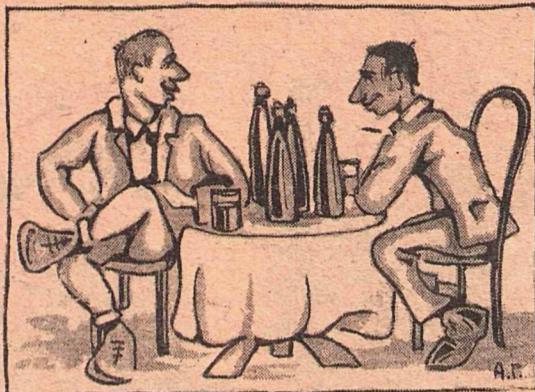
... и фрукты чистенные.

Рис. В. Доленко.

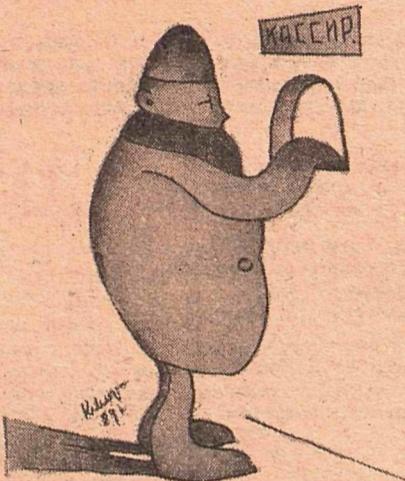
— Гражданин! Здесь тонуть не разрешается! Попрошу прекратить!

Рис. А. Голубева (Новосибирск)

— Ну, как у вас ведется борьба с алкоголизмом?
— Отлично. На той неделе уже закончили.

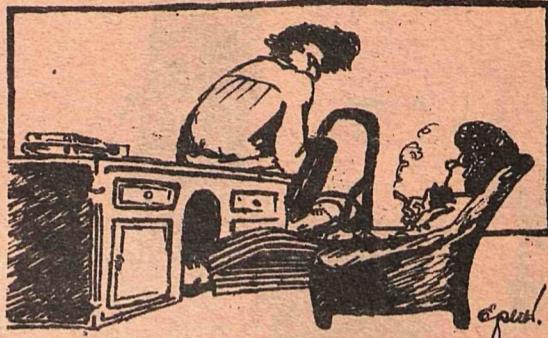
Рис. К. Моро

НЕ ПЕРЕПЛАТИТЬ БЫ...

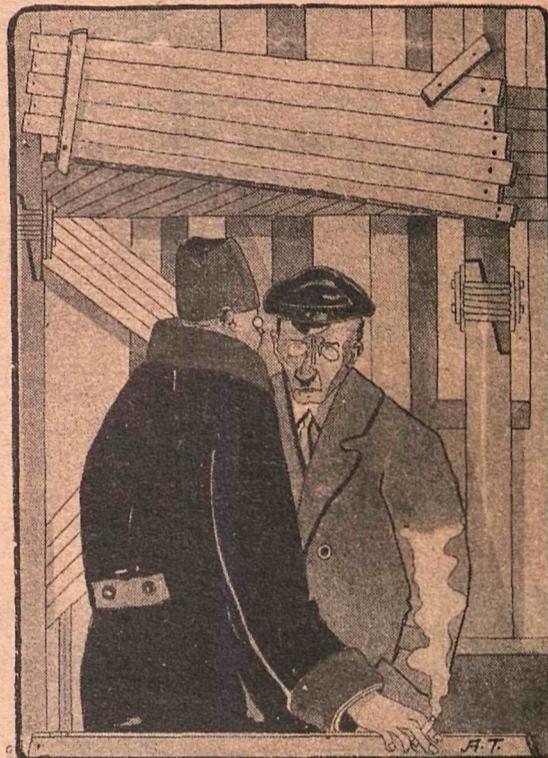
— Барышня, разменяйте мне гривенник по копейкам, а то по городу с кружками ходят.

Рис. Ерина (Бийск)

— Ты пишешь роман из жизни Красной армии... Знаешь ее быт?
— Конечно. В 20-м году на вечере в пользу красноармейцев я был главным распорядителем.

Рис. А. Тищенко (Владивосток)

— Ну, как строите?
— Сносно. Построивши, пришлось снести.

Рис. Н. Головина (Вятка)

В ЛЕЧЕБНИЦЕ

— Коллега, обратите внимание: при таком расширении глотки — потеря голоса.
— Очень просто: это ж кулак.

ВЕСЕННИЕ РАДОСТИ

УТОПАЮ! Спаси, ОСНАВИ!
Утопаю в цветах и зелени.
До чего ж хороша весна
Для такого, как я, бездельника.
Вижу в лицах сплошной восторг
И улыбок ярче не выискать.
Засверкала весна, как Мосторг,
Разнаряженный зеленью вывесок.
Слышу радостный гам и гул,
От веселья хоть кар-раул кричи!
Как тут, братцы, не сделать прогул,
Если солнце пошло в прогульщики?

Дни и ночи — увы! — коротки,
Как стебли полевых незабудок.
Что — прогулы? Ведь это — цветки!
Погоди — и ягодки будут...

От экскурсий в глазах рябит,
Майки, трусики, косоворотки...
Хорошо, когда новый быт
Вывезжает с гульбой на лодке.
— Но откуда у вас синяки?
Почему все напилась до точки?

— Бросьте! Пьянство — ведь только цветки,
Так, невиннейшие цветочки...

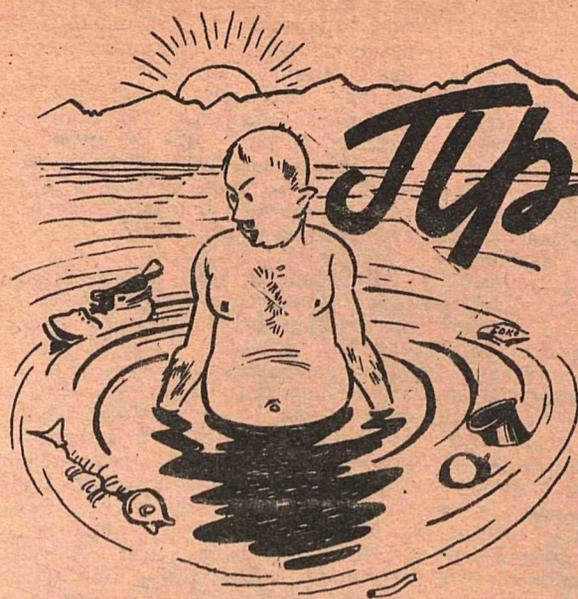
О, сезон узаконенных драк!
О, пора состязаний и матчей!
Не понять — где скандал, где игра,
Не понять — кто смеется, кто плачет.

— Вас увечили?
— Что ж? Пустяки!
— Заживет, слава спорту, за год!

Ведь футбольные драки — цветки.
Подождите-ка спелых ягод.

Но гармония весних дней,
Радость зорь, синева лазури
Не дают позабыть о ней,
О грядущей очистительной буре.
Скоро чистка. И блекнут мечты.
Не пьянят и весенние трели...
Чистка — это уже не цветы,
Это ягодки... Те, что созрели...

П. Майский.

Прелести юга

Текст Л. МИТНИЦКОГО

Рис. П. БЕЛЯНИНА

ЕЩЕ НИКЕМ пока не признанный поэт Захаров-Куценко так начинает свою многотомную поэму о Крыме «Алый Курорт»:

Из первых дней весны веселой
У поездов какой-то перворот.
Узлы навязаны на спинах
У граждан, бегущих на курорт.

Поэт справедливо отмечает далее в своей многотомной поэме, что:

«Бывает и такое приключение — курорт червонцы поглощает, а на обратное возвращение — червонцев тоже нехватает».

Попробуем, однако, переложить стихи о прелестях Крыма в прозу. Проза более доступна широкому потребителю, чем стихи.

Итак, мы — в преддверии курорта, в Симферополе. Здесь в гостинице нам отведут номер о... шестнадцати кроватях за семь с половиной в сутки.

— Кстати, нет ли номера подешевле? — робко спросит приезжий.

— Кстати, — нет! — ответят ему.

— А зачем же столько кроватей?

— Затем, что здесь стояли делегаты. А теперь стоят после них кровати. Чем вам плохо? Ну, сегодня на од-

ной кровати поспите, завтра — на другой, на третьей... Даже интересно одному человеку!

И Симферополь, и Севастополь, как и другие наши города, не обижены грязью. Но по-курортному грязь называется здесь целебной. Как правило, в приморских городах Крыма врачи

отваживают приезжих от купанья в открытом море и назначают им морские ванны. Морские ванны — это подогретая морская вода, налитая в грязную ванну. Не смешивать с грязевой ванной! Там грязь — без морской воды.

Но — углубимся в Крым.

«Жемчужное сердце Крыма», как говорят поэты, — это Ялта. В Ялте свои прелести. Прежде всего — нежная, бархатная пыль. Белолицы здесь мгновенно загорают. Но загар весь сходит при умывании, а вода становится темной, как шоколад... Морское купанье в Ялте кооперировано: вокруг купающегося в заливе плавают окурки, шелуха от семечек, дохлая рыбешка, хорошо просоленная подошва и иные предметы широкого потребления.

Такие же составные части входят в диетическое питание «на полном пансионе». А без «полного пансиона» вас и переночевать не пустят в Ялте.

Ялта очень прелестный город. Приезжий не будет здесь одинок, пока существуют любезные комиссионеры. Они облепляют приезжего шумною толпой. И у приезжего до тех пор не будет прорыва в денежных средствах, пока

он не попадет в ласковые руки любезных комиссионеров.

Кроме комиссионеров и беспризорников, весь Крым наводнен экскурсиями. Эти подвижники взбираются на утесы Балаклавы, понуро выслушивают притчи о разрушенной Генуэзской крепости и затонувшем корабле «Черный принц». Обреченно осматривают они редуты и бастионы севастопольского укрепления и, скрепя сердце, пишут домой письма с дороги:

«Какая неопишуемая красота. Прямо сил никаких нет!»

Сил нет, а завтра их поведут пешком из Севастополя к Байдарам. От Байдар в Алупку, из Алупки в Гурзуф. И руководитель экскурсии на каждом историческом повороте пыльного шоссе будет объяснять покорным экскурсантам разницу между изжитым феодализмом и раскрепощенным трудом.

От Севастополя до Ялты и обратно юлят автомобили Крымкурсо и Экскурсо. По пути, в деревне Байдары, у рестораника — привал с вином и закусками. Дальше машина неожиданно пускается вскачь, и шофер недоумевает:

— Ты что, пьяная?

Машину встряхивает. Кручи и пропасти угрожающе мелькают справа, слева. И, наконец, спасенье: белосахарная Ялта.

— Вылезай, приехали. Получай вещи!

И тут начинается:

— Позвольте! — недоумевает пассажир. — У ме-

ня три места было. А вы мне даете одно.

Шофер прищуривается.

— Мало? Вы еще скажете — десять мест!

— Утряслись вещички, — сочувственно говорят пострадавшему его спутники — пассажиры.

— Одну копейку, дяденьки! — подходит к приезжим взвод беспризорников.

— С приездом вас, товарищи-граждане! — раскланиваются с приезжими любезные комиссионеры...

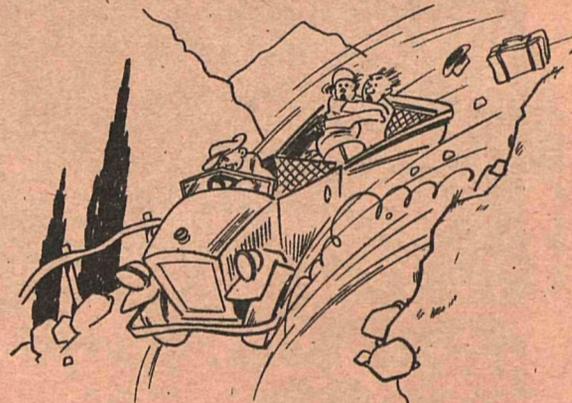
...Вернемся в заключение к стихам:

Червонцы людям эх, неловко,
Как мы уж знаем, доставать.

А на курорте очень скоро

Приходится их раздавать, —

пишет в своей курортной поэме Захаров-Куценко, поэт.

КРОКОДИЛИЙ РЕСКРИПТ

Мы, Крокодил первый и единственный, гонитель бюрократов и головотяпов, гроза совдураков, бич подхалимов, и прочая, и прочая, — властью, данной нам рабочим и крестьянским читателем,

Всемилоостивейше повелеваем:

Надеждинский Центральный Рабочий Кооператив, Тагильского округа, за выдающиеся заслуги на фронте просвещения масс, наградить «Орденом Крокодила» второй степени.

Заслуги награждаемого выразились в том, что он:

1) продавал из своего магазина № 1 картины в красках душевспасительного и патриотического содержания, как-то:

Ф. А. Бруни. — «Моление о чашѣ».

И. Крамской. — «Христосъ въ пустынь».

К. Савицкій. — «Встрѣча иконы».

«А. Ф. Львовъ, авторъ нашего національнаго гимна
«Боже, Царя храни».

и иные в этом духе;

2) следуя директивам вышестоящих органов, неукоснительно снижал цены на эти продукты первой необходимости, как-то: в 1926 г. — 20 коп. за штуку, в 1927 г. — 10 к., а сейчас — до 5 коп.

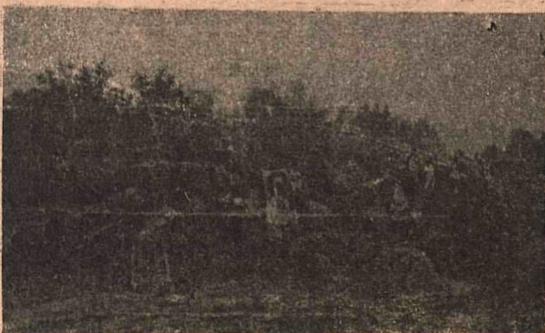
Объявляя об этом своем торжественном награждении, призываем мы читателей и почитателей наших писать награжденному письма, в коих в энергичных выражениях излагать свои чувства и поздравления.

Посылать письма по адресу: Уральская область, Свердловский округ, г. Надеждино, правление ЦРК. Писать разрешаю без марок.

На подлинном вилами нацарапано:

«КРОКОДИЛ».

Дано мая 20 дня 1929 года
в собственной редакции.

НАСТОЯЩИЙ БЮРОКРАТ

ПСОЙ НИЛЫЧ так глубоко вздохнул, как-будто собирался сделать запас воздуха месяца на три минимум:

— Не ценят у нас, дружище, работников... Не для кого стараться!

— А в чем дело?

— Дело, оно известно в чем, — в папке, — улыбнулся Псой Нилыч. — Прямо обида берет: каждый щенок, у которого еще чернила на губах не обсохли, в бюрократы лезет!.. И газеты ваши тоже хороши. Вот, полюбуйтесь: Петров обхамил посетителя, — Петров бюрократ... Сидоров рабочему выходного не выдал, — Сидоров бюрократ... Смирнов спецдежду задержал, — Смирнов бюрократ... Это разве бюрократы? Липари это, а не бюрократы, вот что я вам скажу.

Псой Нилыч яростно швырнул газету, которая, описав угол, закрыла портрет вождя, продолжавшего одним незакрытым газетой глазом следить за Псой Нилычем.

— Бюрократизм, дорогой мой, — это серьезная, настоящая наука, с огромной теорией, со своими железными законами, и нельзя пришивать ярлык бюрократа всякому начинающему чиновнику... Вот ты попробуй по всем правилам бюрократического искусства серьезное, государственное дело затормозить, да так, чтобы еще общественником слыть, чутко прислушивающимся к

проводимым политическим кампаниям!..

— А как же, по-вашему, настоящие, патентованные бюрократы кампании проводят? — любопытно спросил я.

— Вы думаете, под сукно кладут? — презрительно ухмыльнулся Псой Нилыч. — Или к делу подшивают?.. Устарели, батенька, эти методы. Они сами уже положены под сукно и подшиты к делу...

Засунув руки в карманы, Псой Нилыч ходил из угла в угол, переваливаясь, как утка.

— Клинь клином вышибать нужно! — выпалил он вдруг мне в упор. — Кампанию кампанией затирать нужно, — на законном, так сказать, основании...

— Ничего не понял, — честно сознался я.

— Дело хитрое, — самодовольно улыбнулся Псой Нилыч: — даром, что ли, я геморрой на этом деле нажил?.. Возьмем конкретный пример. Нужно, предположим, с выдвиженчеством покончить... Дело, конечно, пустяковое, — раз плюнуть. Намечается товарищ, которого давно пора убрать за самокритику. Созывается совещание, на котором вы выступаете с горячей речью, приветствующей идею

выдвижения, и конкретно предлагаете на место «самокритика» посадить немедленно выдвиженца. Таким образом пока-что параллельно убивается еще один заяц... Но на этом вы не успокаиваетесь.

Вы кричите на всех перекрестках, что мало посадить выдвиженца, нужно постепенно выдвигать его выше и выше... Через короткий промежуток времени вы сажаете выдвиженца на работу, с которой он заведомо не сможет справиться... Выдвиженец отказывается от работы, но вы хлопаете его по плечу и заявляете, что он слишком скромно. Выдвиженец садится на место, очень быстро попадает впропак, и общественные организации, — заметьте, организации, а не вы, — постановляют снять его с работы... Идея выдвижения скомпрометирована, хотя вы продолжаете на собраниях стучать кулаками по столу и заявлять, что остаетесь горячим сторонником этой идеи...

Вообще, нужно заготовить для выступления стандартную, но оглушительную формулу, которая действует без отказа.

Если вам нужно обойти Трудовой Кодекс, то нужно стать в сурово-непримиримую позу и продекламировать заученную фразу:

«В то время как... социалистическое строительство... на данном отрезке времени... поставило перед нами актуальнейшую задачу снижения себестоимости продукции, нужно воздержаться от всяких излишних затрат, хотя и имеющих под собой известную почву, но могущих быть принесенными в жертву интересам социалистического строительства».

Или:

«В то время как... социалистическое строительство... на данном отрезке времени... поставило перед нами актуальнейшую задачу... максимальной экономии бумаги и создания фонда бумажного лома для переработки его на фабриках, нужно воздержаться от хранения архивов, хотя и имеющих значение для ревизии, но могущих быть принесенными в жертву интересам социалистического строительства».

Это в том случае, если вам нужно срочно скрыть компрометирующие вас документы. Я бы мог вам привести сотни таких примеров, но, к сожалению, нет ни времени, ни места... У меня в три — заседание. Как-раз серьезное дельце предвидится. Собираюсь чистой аппаратом от повышения производительности труда отбрезнуться... Как-нибудь поговорим подробнее... Приходите завтра...

И. Амский.

Рис. К. Елисева

САМОЕ ЗАВЕТНОЕ

— Слушай, Манька, что бы ты сделала, если бы выиграла по облигации пять тысяч?

— Ох-х... поспала бы совсем одна...

СОЗДАНИЕ ВОДЫ

И сказал бог: да соберется вода, которая под небом.

(Бытия — глава I, ст. 9).

СОЗДАВШИ небо, землю сделав, Закончив главные труды, Бог среди небесных подотделов Решил создать отдел воды. И вот — пошли потоки вод. У бога — свой водопровод.

СОТВОРЕНИЕ ЗВЕРЕЙ

И создал бог зверей земных по роду их и скот и всех гадов земных.

(Бытия — глава I, ст. 25).

НАСТАЛ и пятый день творенья. Творит, как фокусник, зверей. Спеша от дел почить скорей, Вниманье! Раз-два-три... — готово! Господь на мировой арене И лев, и кобра, и корова!

(Продолжение в след. номере)

ИДЕЙНЫЙ

ВРАТЬ, конечно, не приходится, потому, как сам факт лезет на карандаш.

А Петру Семенычу не стоит обижаться, поскольку он идейный коммунист и проведет самокритику.

Мне, конечно, нет никакого дела до Петра Семеныча, леший с ним, пусть живет, как умеет. Но если сам человек лезет с разговорами, отчего бы не записать.

— Я, — говорит, — честный коммунист, за партию готов не только пострадать, умереть даже.

— Верно, — говорю, — Петр Семеныч. И по наружности и по словам вашим нельзя сумеваться в шкурничестве вашей персоны. А что вы получаете партмаксимум, — ерунда, потому как многие по пять максимумов загребают, а с идейностью не расстаются.

Через неделю Петр Семеныч опять со мной разговоры разговаривает:

— Плохи, — говорит, — мил-человек, дела, неладно у нас в партии... Боюсь не за себя, за партию.

— Да что, — говорю, — вам бояться, с партмаксимумом и я бы не стал бояться.

А Петр Семеныч улыбается хитроватым бантиком и сахарными словами изливает.

— Эх, — говорит, — родимый, да где же партмакс?.. 180 целковых и ни-ни больше, потому как я теперь пом. председателя.

— Прискорбно, — говорю, — Петр Семеныч, только идейность ваша куды дороже денег.

Верил я в идейность Петра Семеныча и потому знал, не жалеет он партмаксимума. И когда на фракции жакта Петр Семеныч осторожно лягал партию и говорил, что ему, как делопроизводителю треста, как рядовому служащему в 100 рублей, очень ясна участь трудящихся, то я видел в этом исключительно идейность Петра Семеныча. Что оклад идейному человеку? Партия ему нужна!

Забыл я совсем про Петра Семеныча, и только случай привел меня встретиться с ним.

Обрадовался Петр Семеныч, расцеловал прежде всего и, как девушка, застенчиво:

— Да, мил-человек, трудно становится жить... Солн-то, слышали, соли нет... сахар исчез... мука, мыло... огурцы...

— Да, — говорю я, — очень трудное положение, главное без огурцов-то. А не можете ли, — говорю я, — дать мне займы копеек сорок?..

— Что вы, милейший... какие тут сорок копеек?.. на полсотни в месяц сам сел... и к тому же сокращение предвидится!

Я, конечно, не обиделся, потому с каждым случается: и выручил бы, да нет.

А насчет сокращения — пустяки! Идейному сократиться — все одно, как торжественную речь произнести...

И совсем недавно, на-днях пришел ко мне Петр Семеныч, силком усадил против себя и в разговор:

— Не слышали? Да как же? Чемберлен готовится... Писудский бряцает... война неизбежна! Ах, какая война!.. Крышка им... теперь-то конец!..

— Кому, — говорю, — конец-то?

— Кому, кому! Большевикам, конечно!..

— Да вы же, — говорю...

— Эх, мил-человек, да я с ними — ша... ничего общего не имею. Вычистили меня, как идейную личность...

— Подумайте, — говорю я, — идейного-то?.. Что только делается?!

— Да, — говорит, — идейных не любят... Шкурников там разных, подхалимов — другое дело. А впрочем — извините, тороплюсь я... с куличами надо дома заняться. Дни-то ведь нынче какие!..

Н. Семенов.

36
28
19220

КОМЕДИЙНЫЕ МАСТЕРА В ЖЕНЕВЕ

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ЦЕНТРАЛЬНАЯ
29 МАЯ 1922
КНИЖНАЯ ПАЛАТА

Рис. К. Ротова

СОВСЕМ, КАК В МЕЖРАБПОМФИЛЬМЕ

БРИАН (Литвинову) — Гражданин, не входите!! У нас чужие сценарии не принимаются!